

Немировский В.Г.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

ВВЕДЕНИЕ

Действия по реализации в России политики модернизации, провозглашённой Президентом РФ Д.А. Медведевым, встречают определённые проблемы и трудности, анализу которых посвящён ряд серьёзных научных исследований [см., например: 1-5]. Как известно, модернизация представляет собой сложный по своей структуре и содержанию процесс, важным элементом которого выступает социокультурная модернизация. Поэтому, не углубляясь в анализ самого содержания процесса современной модернизации России, отметим, что весьма серьёзным, и, практически не изученным фактором, который может негативно сказаться на её эффективности, являются социокультурные особенности различных регионов страны.

В настоящее время Сибирь выступает одним из наиболее важных регионов России, как в промышленно-сырьевом, так и в научно-культурном отношении. Специфика протекания модернизационных процессов в Сибири обусловлена рядом различных факторов. Мы сосредоточим своё внимание на социокультурной модернизации в трёх важных и своеобразных регионах Восточной и Западной Сибири: Красноярском крае (население, по данным на 1 января 2010 г., 2894,9 тыс. человек, площадь — 2339,7 тыс. км², что составляет 13,6% общей площади РФ), Республике Хакасия (население: 546 тыс. человек, площадь 61 тыс. км²) и Новосибирской области (население: 2649,9 тыс. человек, площадь 177, 756 тыс. км²). При этом г. Новосибирск является Административным центром Сибирского Федерального округа.

Мы будем учитывать некоторые подходы, разработанные китайскими учёными [см.: 6]. Глубокие исследования процессов модернизации, проведённые специалистами Китайской академии наук в 131 стране мира, показали, что выделяются два исторических этапа (или вида) модернизации:

¹ Статья написана на основе исследований, выполненных при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности СОЦИОКУЛЬТУРНОГО Портрета Красноярского края», проект № 10-03-00001а, и «Особенности формирования социальной структуры и развития социального капитала в Красноярском крае», проект № 11-03-00250а.

индустриальная (первичная) и информационная, основанная на знаниях (вторичная). Координация этих этапов, обеспечивающая эффективное снижение угроз и рисков, означает интегрированную модернизацию [см.: 7]. Построенная Н.И. Лапиным и Л. А. Беляевой агрегированная типология социокультурной модернизированности 25 стран Европы и России свидетельствует, что Россия находится на очень низком уровне социокультурной модернизации. Авторы подчеркивают, что «налицо низкая социокультурная конкурентоспособность России в сравнении с большинством стран Европы, чреватая взрывоопасными рисками» [8]. Можно выдвинуть гипотезу, согласно которой регионы Восточной и Западной Сибири находятся на более низком уровне социокультурной модернизации, нежели Россия в целом, что порождает определённые угрозы и риски.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирические исследования, лежащие в основе данной статьи, осуществлены в соответствии с Типовой программой и методикой «Социокультурный портрет региона», созданной сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Программа и методика опираются на разработанный доктором философских наук, профессором, членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным социокультурный подход [см.: 9], а также концепции и методы многомерного анализа социального расслоения российского общества, созданные доктором социологических наук, профессором Л.А. Беляевой [см.: 10]. Эмпирической базой для подготовки статьи послужили материалы социологических исследований:

— проведённых отделением социологии и связей с общественностью Сибирского федерального университета в 2010 г. (опросы населения Красноярского края и Республики Хакасия и экспертный опрос в Красноярском крае) [см.: 11],

— выполненных в рамках программы «Социокультурный портрет региона» под руководством зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного технического университета, доктором философских наук, профессором В.И. Игнатьева в 2009-2010 гг. в Новосибирской области (репрезентативная региональная выборка: 500 человек)².

² Исследование выполнено в 2009-2010 гг. при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта РФГФ («Социокультурный портрет региона (Новосибирская область)», проект № 09-03-00597а.

Опрос населения Красноярского края осуществлён методом формализованного интервью по месту жительства респондентов (59 вопросов, заданных в доверительной обстановке, на дому у респондентов) в 28 населённых пунктах региона (в Республике Хакасия — в 11), по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между населением, проживающим в населённых пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населённые пункты), поло-возрастной и образовательной структуры взрослого населения Красноярского края и Республики Хакасия. Объём выборки в Красноярском крае составил 1000 человек, в Республике Хакасия — 600 респондентов. Данные анкетного опроса прошли экспертизу в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Полученные материалы всех четырёх массивов обрабатывались с помощью пакета прикладных программ SPSS с использованием кластерного, факторного и корреляционного анализа.

Экспертный опрос был посвящён изучению мнения 150 экспертов, проживающих в Красноярском крае. Он проводился методом формализованного интервью с помощью специально разработанной анкеты, включающей методику изучения характеристик базовых социокультурных типов регионов, разработанную Н.И. Лапиным [см.: 12, с. 11]. В данном исследовании в качестве экспертов выступили преподаватели общественных наук в вузах (социологи, историки, политологи, экономисты, культурологи), видные представители СМИ, руководители крупных негосударственных компаний, представители общественного сектора, институтов гражданского общества. Опрошенные эксперты являются ключевыми «социальными агентами» и во многом влияют на процесс становления общественного мнения по важным вопросам функционирования и развития региона. Данные «агенты» активно включены в информационное пространство территории, отличаются наличием экспертного знания о социокультурном, политическом и экономическом развитии региона, и, в то же время, эти персоны не задействованы напрямую в структурировании социально-политической картины региона (с позиции принятия административных решений).

С помощью методов математической статистики нами были выделены следующие индикаторы процесса социокультурной модернизации,

наиболее ярко показывающие специфику сибирских регионов по сравнению с Россией в целом:

— локус контроля (представление человека о том, от кого зависит улучшение его жизни);

— представления населения о том, в какой мере реформы, проводимые правительством страны, соответствуют интересам жителей Сибири³;

— протестный потенциал населения регионов;

— удовлетворённость населения своей жизнью;

— мнения респондентов о том, что необходимо в первую очередь сделать для улучшения жизни населения;

— поселенческая самоидентификация жителей регионов Восточной Сибири.

Также были использованы результаты контент-анализа ответов экспертов на вопросы: о социальных последствиях постсоветских реформ и о влиянии этих реформ на сибирский менталитет.

ЛОКУС КОНТРОЛЯ

Итак, рассмотрим локус контроля. Если респондент полагает, что улучшение его жизни зависит в основном от внешних факторов, — это свидетельствует о преобладании у него внешнего, экстернального локуса контроля. Если придерживается мнения, что сам несёт ответственность за улучшение своей жизни, — это показатель интернального, внутреннего локуса контроля. Обладающий таким локусом контроля человек более самостоятелен в своих решениях и поступках, его поведение способствует реализации современных модернизационных процессов.

Как следует из данных, помещённых в таблице 1, жители Красноярского края, Республики Хакасия и Новосибирской области на вербальном уровне демонстрируют значительное преобладание интернального локуса контроля над экстернальным; на вопрос «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит...»: более половины опрошенных (57% в Красноярском крае, 63% в Республике Хакасия, 53% в Новосибирской области, 54% в Российской Федерации в целом) выбрали вариант ответа «от Вас самих». Характерно, что при

³ Данный индикатор использовался только в опросах, проведённых на территории Красноярского края и Республики Хакасия.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит...», 2010 г., %

	Полностью зависит			Пожалуй, зависит			Не знаю, трудно сказать			Пожалуй, не зависит			Совершенно не зависит		
	Красноярский край	Новосибирская область	Республика Хакасия	Красноярский край	Новосибирская область	Республика Хакасия	Красноярский край	Новосибирская область	Республика Хакасия	Красноярский край	Новосибирская область	Республика Хакасия	Красноярский край	Новосибирская область	Республика Хакасия
От Вас самих	57	53	63	54	28	29	25	30	7	6	6	4	8	3	3
От близких родственников	10	26	12	18	44	46	46	44	17	13	18	6	15	11	9
От друзей, земляков	2	7	3	5	20	33	24	27	28	30	21	12	25	21	18
От начальника по работе	10	11	11	12	38	38	41	34	23	17	12	12	13	17	23
От районной, городской властей	12	10	10	17	32	39	32	37	27	18	14	8	15	14	11
От республиканской, краевой властей	11	9	10	16	31	36	32	33	28	30	27	14	17	17	14
От общероссийской власти	19	13	18	23	33	45	32	35	24	18	11	8	12	14	12

этом население России в целом демонстрирует несколько менее высокий показатель интернального локуса контроля, чем жители исследуемых регионов Восточной Сибири.

Обращает на себя внимание и значительно более высокая, по сравнению и с регионами Восточной Сибири, и с Россией в целом, зависимость жизни респондентов из Новосибирской области от близких родственников, но более слабая зависимость от общероссийской власти.

Использование факторного анализа показало во многом сходную картину как в глубинных слоях массового сознания населения России в целом, так и у жителей трёх сибирских регионов. В каждом из четырёх случаев выделились два фактора, первый из которых (описательная сила 40⁺-2 %) характеризует мнение респондентов о том, что улучшение их жизни зависит от самого себя и собственной микросреды (близких родственников, друзей, земляков). Второй фактор (описательная сила 24-27%) выражает зависимость от районной, городской, республиканской, краевой и общероссийской власти.

Весьма характерной особенностью сибирского менталитета является то, что по данным факторного анализа «начальника по работе» респонденты из трёх сибирских регионов включают в свою микросреду, в то время как жители России в целом относят его к представителям власти. Это говорит о более «близких» неформальных отношениях многих подчинённых со своим непосредственным руководством в данных регионах. В основе лежат патриархальные, «домодернизационные» отношения и ценности во многих трудовых коллективах и организациях трёх регионов Сибири, независимо от формы собственности, что выступает одним из факторов коррупционного поведения.

Важно затронуть и динамику ситуации. Следует подчеркнуть, что по результатам опроса, проведённого в Красноярском крае по репрезентативной выборке в 2011 г. (метод — формализованное интервью, N = 1300), лишь в течение одного года резко снизилась доля респондентов, которые полагают, что их жизнь полностью зависит от районной, городской властей (2010 — 12%, 2011 — 5%), от республиканских, краевой властей (соответственно, 11 % и 6%) от общероссийской власти (19% и 14%).

Эти данные отражают новые социальные процессы, требующие дополнительного анализа, однако можно предположить, что они способны затруднить любые действия властей, в т. ч. по модернизации общества.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ РЕФОРМ В СИБИРИ

Для оценки последствий постсоветских реформ для жителей региона и преобладания того или иного типа модернизации, экспертам было предложено ответить на следующий открытый вопрос: «На Ваш взгляд, какие социальные последствия постсоветских реформ можно оценить как "позитивные", а какие — как "негативные", для жителей Красноярского края?».

В целом, «негативные» последствия реформ, отмеченные экспертами, численно несколько преобладают над «позитивными» (197 вариантов ответов против 146).

Среди выделенных категорий «позитивные» последствия характеризуются следующим образом:

а) Появление больших свобод (свобода выезда за границу, слова, мысли, творческого развития, личной жизни и профессионального самоопределения, выбора, совести, поведения) — 28%.

б) Развитие рынка (появление конкуренции, рынка, либерализма, разнообразия товаров и услуг) — 25 %.

в) Развитие бизнеса (предпринимательства, частного сектора, появление возможности зарабатывать) — 16 %.

г) Улучшение качества и условий жизни, медицины и образования — 10%.

д) Исчезновение «железного занавеса» (открытие границ, возможность международного сотрудничества, расширение международных связей) — 8 %.

е) Информатизация (рост доступности информации, появление новых информационных технологий) — 7 %.

ж) Появление ориентации на собственные силы, инициативы — 6%.

В оценке негативных последствий постсоветских реформ эксперты были более единодушны:

а) Падение уровня жизни (уменьшение заработной платы, падение уровня жизни, обнищание населения, рост безработицы) — 24%.

б) Разрушение государственных институтов (разрушение систем производства, здравоохранения, образования, сельского хозяйства, снижение качества товаров и услуг, утрата государством контроля за качеством товаров и услуг) — 23 %.

в) Духовная деградация (потеря национальной идеи, снижение социальной ответственности, снижение уровня культуры и образования, духовная деградация) — 18 %.

г) Рост социальной незащищённости, неуверенности в завтрашнем дне — 12%.

Как видим, приведённые ответы экспертов свидетельствуют, что в Красноярском крае (анализ публикаций в региональных СМИ в Республике Хакасия даёт все основания полагать, что аналогичная ситуация наблюдается и в этом регионе Сибири) происходит деиндустриализация, что требует «повторения» первичной модернизации. Одновременно вторичная модернизация, основанная «на знаниях», сталкивается в регионе с большими трудностями.

Тот факт, что модернизация страны зачастую осуществляется без учёта интересов населения сибирских регионов, неоднократно всплывал в ходе интервью. В частности, респондентам был задан вопрос: «Учитывают ли реформы, проводимые Правительством РФ, интересы Сибири?». Только 4% жителей Красноярского края и Республики Хакасия ответили «в полной мере». По мнению относительного большинства респондентов (48% — Красноярский край, 45% — Хакасия), «учитывают частично», а 24% опрошенных жителей Красноярского края и 17% респондентов из Хакасии полагают, что эти реформы интересы Сибири «не учитывают совершенно». Четверть опрошенных в крае и треть в республике затруднились ответить на этот вопрос. Таким образом, в целом, 72% опрошенных жителей Красноярского края и 62% населения Республики Хакасия в той или иной мере сомневаются в том, что реформы, проводимые правительством РФ, учитывают интересы Сибири. Несколько выше доля критически настроенных среди респондентов, проживающих в региональных центрах и других городах, ниже — в сельской местности.

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРИ

Осознание жителями Сибири подобной ситуации не могло не повлиять на рост их протестного потенциала. С целью его изучения респондентам был задан вопрос: «Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?».

Как показано в таблице 2, в целом протестный потенциал населения Красноярского края и Республики Хакасия довольно высок: соответственно, 48% и 43% опрошенных выразили ту или иную степень готовности (готов + пожалуй, готов) принять участие в акциях про-

Таблица 2. Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)? 2010 г., %

Варианты ответа	Красноярский край	Новосибирская область	Республика Хакасия	РФ
Готов	20	12	18	14
Пожалуй, готов	28	17	25	17
Пожалуй, не готов	15	19	17	19
Не готов	18	39	20	40
Затрудняюсь ответить	16	10	16	10
Отказ от ответа	4	3	6	2

теста (Россия в целом — 31%, Новосибирская область — 29%). При этом неготовность (пожалуй, не готов + не готов) высказали 33 % респондентов из края, 37% из республики и 58% из области (Россия в целом — 59%). Сельское население несколько чаще выражает готовность принять участие в акциях протеста, что связано с более тяжёлой социально-экономической ситуацией во многих сельских поселениях, по сравнению с городами. При этом в разных городах сибирских регионов готовность людей в участию в протестных акциях тоже может различаться, детерминируемая многими специфическими факторами. Итак, протестный потенциал в изученных регионах Восточной Сибири значительно выше, чем в России в целом, в том числе в некоторых относительно «благополучных» регионах Сибири.

Всё это свидетельствует о серьёзных проблемах, непреодоленных рисках и угрозах, которые сопровождают процесс социокультурной модернизации в регионах Восточной Сибири.

УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ ЖИЗНЬЮ И ОЖИДАНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ ОТ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ

Как следует из таблицы 3, доля респондентов, удовлетворённых своей жизнью (варианты ответа «полностью удовлетворены» + «скорее удовлетворены») в Красноярском крае, Республике Хакасия и Новосибирской области составляет, соответственно, 49%, 55% и 54%. В России она заметно выше — 59 % опрошенных.

Характерно, что в Новосибирской области доля «полностью удовлетворённых» заметно выше, нежели в регионах Восточной Сибири,

Таблица 3. Удовлетворённость жителей Красноярского края, Республики Хакасия и Российской Федерации своей жизнью в целом, 2010 г., %

Варианты ответов	Красноярский край			Новосибирская область	Республика Хакасия	РФ
	Город	Село	Всего			
Полностью удовлетворены	9	8	9	16	12	13
Скорее удовлетворены	39	41	40	38	43	46
Не очень удовлетворены	28	29	28	16	27	21
Совсем не удовлетворены	5	5	4	3	4	6
Затруднились сказать точно	17	16	17	23	14	14
Отказались от ответа	2	1	2	4	1	0

что в определённой мере объясняет показанный выше более низкий уровень протестного потенциала в этом регионе, по сравнению с его восточными соседями. Одновременно в России в целом несколько ниже, чем в данных регионах Восточной Сибири, доля респондентов, которые в той или иной степени не удовлетворены своей жизнью («не очень удовлетворены» + «совсем не удовлетворены»): Красноярский край — 32%, Республика Хакасия — 31%, Новосибирская область — 19% (но в данном регионе существенно выше доля затруднившихся ответить), Россия в целом — 27%.

Для выявления слабо реализованных, но актуальных направлений модернизации, стагнация которых таит в себе различные угрозы и риски, респондентам был задан вопрос: «Что, по Вашему мнению, необходимо сделать для улучшения жизни населения?», который позволил выявить ожидания населения от процессов модернизации страны.

В Красноярском крае, Республике Хакасия, Новосибирской области и России в целом (табл. 4) наиболее распространены следующие ответы: создавать новые рабочие места (соответственно, 56%, 54%, 31% и 44%), навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией (36%, 32%, 45% и 32%), развивать малый и средний бизнес (24%, 33%, 29% и 14%), усилить государственный контроль за экономикой (27%, 26%, 36% и 19%), решительнее отстаивать интересы региона в центре (23%, 23%, 18% и 13%), оздоровить природу (20%, 25%, 28% и 24%). Как видим, имеются существенные различия в ответах сибиряков, живущих, с одной стороны, в Красноярском крае и Республике Хакасия, с другой — в Новосибирской области, а также жителей России в целом, которые свидетельствуют о различных темпах социо-

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, необходимо сделать для улучшения жизни населения?», 2010 г., %
(не более трех вариантов ответа)

Варианты ответа*	Красноярский край	Новосибирская область	Республика Хакасия	РФ
Улучшить медицинское обслуживание	39	44	38	37
Создавать новые рабочие места	56	31	54	44
Оздоровить природу	20	27	25	24
Навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией	36	45	32	32
Развивать малый и средний бизнес	24	29	33	14
Решительнее отстаивать интересы региона в центре	23	18	23	11
Быстрее строить новые дороги	17	22	16	16
Усилить государственный контроль над экономикой	27	36	26	19
Улучшать образование	13	14	18	И
Другое	2	0	2	• •
Затрудняюсь ответить	3	1	2	5

*, ** В инструментарий, использованный при общероссийском опросе, были добавлены ещё несколько вариантов ответов.

культурной модернизации двух исследованных восточносибирских регионов, одного западносибирского и России в целом. Налицо незавершённость первичного этапа модернизации в Восточной Сибири и, возможно, переход её к новому этапу в Новосибирской области. На наш взгляд, можно говорить также и о «модернизационном откате» в этих сибирских регионах, который произошёл в 1990-е — 2000-е гг. в связи с разрушением там целых отраслей промышленности, и о неравномерном восстановлении утраченного потенциала. Разумеется, существуют также серьёзные риски и угрозы в осуществлении второго, информационного этапа модернизации как в России в целом, так и в Сибири. Ориентация экономики данных регионов Восточной Сибири на добычу и первичную переработку полезных ископаемых, а также электроэнергетику, при слабом развитии социокультурной инфраструктуры, зачастую создаёт у респондентов-сибиряков мнение, что они живут в колониальной придатке России. Новосибирская область, как известно, существенно отличается от них по структуре занятости населения в различных сферах народного хозяйства и по ряду социокультурных параметров.

ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РЕСПОНДЕНТОВ

Всё это не может не сказаться на специфике социокультурной самоидентификации жителей Сибири, которая является важнейшим фактором, влияющим на процесс социокультурной модернизации [см. подробнее: 13]. Большинство опрошенных жителей Красноярского края и Республики Хакасия, Новосибирской области (59%, 59%, 67%) идентифицируют себя с жителями поселения, в котором они живут (деревня, село, город). Менее трети (31 %) респондентов — с жителями краевого или республиканского центра. Однако в Новосибирской области этот показатель составляет 49 %. Общерегionalная самоидентификация жителей Красноярского края оказалась низкой — менее четверти из них (23 %) считают своими, близкими жителей всего края. При этом в Хакасии данный вид самоидентификации заметно выше — 32% опрошенных, в Новосибирской области он ещё более высок — 46 %.

Лишь небольшая доля респондентов, проживающих в Красноярском крае, идентифицируют себя с населением России (17%) и всей Земли (11%). В Республике Хакасия эти показатели несколько выше: соответственно, 22% и 14%. В Новосибирской области — 29% (последний показатель не был включён в анкету при опросе в данном регионе). Напрашивается вывод, что у опрошенных сибиряков преобладает «чувство малой Родины». Причём данная особенность более ярко выражена в Красноярском крае. Наряду с этим проявляется «атомизация» российского социума в пределах отдельного региона. Новосибирская область в силу ряда социокультурных особенностей заметно отличается от исследованных регионов Восточной Сибири.

Обращает на себя внимание и сравнительно высокая доля респондентов в каждом из трёх регионов, выказавших безразличное отношение к предложенным объектам самоидентификации, т. е. не имеющих чётко выраженной собственной поселенческой самоидентификации: от каждого пятого до каждого третьего респондента в данных регионах.

Более половины опрошенных жителей Красноярского края (57%) считают жителей Москвы «далёкими, чужими» (подобные ответы дали 52% респондентов из Хакасии и 48% из Новосибирской области), 47% респондентов из Красноярского края таким же образом оценили жителей России и 42 % — жителей всей Земли (население Республики Хакасия, соответственно, 40% и 37%, Новосибирской области — 39% и 37%). Иными словами, примерно для половины

опрошенных жителей Красноярского края и несколько меньшей доли жителей Республики Хакасия и Новосибирской области характерна антиидентификация с жителями России и её столицы, что может означать как недовольство «колониальной политикой Москвы» в отношении данного региона, так и не манифестированный до времени потенциал сибирского сепаратизма. В этой связи нельзя не вспомнить результаты социологических исследований, проведённых нами в 1990-х гг. в Красноярском крае, которые свидетельствовали о существовании уже тогда скрытого потенциала сибирского регионально-территориального сепаратизма [см.: 14].

Описанные выше данные заметно отличаются от результатов всероссийского исследования, осуществлённого Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством Н.И. Лапина. Очевидно, что у населения трёх сибирских регионов на уровне массового сознания социокультурная самоидентификация с жителями всего своего региона, всей России, бывших республик СССР и всей Земли выражена заметно слабее, чем у населения страны в целом.

Между тем результаты факторного анализа ответов россиян в целом соответствуют результатам подобного анализа ответов жителей трёх сибирских регионов. Рассмотрим вначале итоги анализа данных опроса по России в целом.

Так, Ф-1 описывает самоидентификацию с жителями всей России, бывших республик СССР и всей Земли. Описательная сила фактора — 43,9%.

Ф-2 выражает самоидентификацию опрошенных россиян с жителями поселения, в котором они живут, а также всей их области/края (республики). Описательная сила — 33,6%.

Использование факторного анализа показало, что на уровне массового бессознательного респондентов как Красноярского края, так и Республики Хакасия и Новосибирской области существуют две в целом аналогичные латентные переменные, несмотря на присутствие в инструментарии по регионам двух дополнительных показателей.

Ф-1 описывает самоидентификацию респондентов с жителями Москвы, всей России, бывших республик СССР и всей Земли. Описательная сила фактора — Красноярский край — 40,7%, Республика Хакасия — 39,3 %, Новосибирская область — 41,3 %.

Ф-2 выражает близость респондента с жителями своего поселения, краевого (республиканского) центра, всего края (республики).

Описательная сила фактора — Красноярский край — 30,2%, Республика Хакасия — 30,8%, Новосибирская область — 23,7%.

Как видим, на уровне латентных структур в массовом бессознательном у жителей трёх сибирских регионов существует поселенческая социокультурная самоидентификация, подобная той, которая выявлена у россиян в целом.

Можно предположить, что массовое бессознательное всех респондентов отражает более ранние этапы формирования социокультурной самоидентификации, когда Советский Союз был единым целым, занимающим важное место в мировой иерархии государств.

Специфика поселенческой самоидентификации сибиряков, по сравнению с россиянами, на уровне массового сознания, на наш взгляд, свидетельствует о более поздней тенденции нарушения социально-психологического и социокультурного единства современного российского социума.

К подобным заключениям приходит и алтайский социолог Д.И. Щербинин. Опираясь на результаты социологических исследований в ряде сибирских регионов, в том числе в Красноярском крае, автор делает вывод, что современный сибирский сепаратизм существует и характеризуется латентной конфликтностью, причём, налицо признаки его выхода из латентной фазы в следующую стадию конфликта. К числу его проявлений, в частности, относятся рост массового недовольства сибиряков (особенно бизнесменов, муниципальных чиновников, государственных служащих и представителей интеллигенции) углублением диспропорций в уровнях социально-экономического и социокультурного развития Сибири и Европейской части России, в негативно стимулирующем воздействии на протестное поведение сибиряков, усиливающим социальную напряжённость в сибирских субъектах Российской Федерации, в позитивно-сдерживающем влиянии на развитие этнического сепаратизма нерусской части населения Сибири. Причём различные проявления сибирского сепаратизма в настоящее время находятся в неодинаковой стадии развития: от уровня социального риска до стадии прямой угрозы целостности российской государственности [см.: 15-16].

Можно сказать, что среди жителей двух сибирских регионов преобладает поселенческая идентификация с «малой родиной»; при этом, люди, населяющие любые иные социальные пространства, часто воспринимаются как далёкие и чужие, что может потенциально порождать серьёзные социально-культурные и социально-политические проблемы.

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМ НА СИБИРСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ

Для изучения мнения экспертов был предложен открытый вопрос: «Как Вы считаете, изменились ли жители Красноярского края, по сравнению с россиянами в целом, в результате реформ? Отразились ли реформы на традиционном "сибирском менталитете"?». В результате контент-анализа ответов экспертов были получены следующие данные:

- изменились, как и все россияне, особенный сибирский менталитет не проявился (31 %);
- нет, не изменились (29%);
- изменились, но в меньшей степени, чем все россияне; это связано с большей традиционностью и «периферийностью» территории (16%);
- изменились в негативную сторону (пострадала нравственность, ухудшилось финансирование, отношения стали менее искренними) (8%);
- да, изменились в целом (8 %);
- усилилось региональное самосознание (5 %);
- да, в силу иных жизненных условий, поскольку край живёт лучше, чем остальные территории (3%) [см.: 17].

Как видим, подавляющее большинство экспертов или указывают специфические социокультурные изменения, по сравнению с россиянами в целом, произошедшие под влиянием особого сибирского менталитета жителей Красноярского края, или констатируют их отсутствие и сохранение традиционного сибирского менталитета. Лишь менее трети экспертов (31 %) не видят специфического проявления сибирской ментальности (или считают, что такой феномен как «сибирский менталитет» попросту не существует) и полагают, что в результате реформ сибиряки изменились так же, как и все россияне. На наш взгляд, данная тенденция может являться признаком недостаточного включения Красноярского края в общероссийские интегративные процессы.

Как следует из приведённых данных, можно говорить о тенденции атомизации обследованных сибирских региональных социумов, ослаблении и нарушении в них социальных связей между людьми, когда жизненный мир человека ограничивается рамками его семьи и сужается до пределов населённого пункта, в котором он проживает. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что наибольшее взаимопонимание четверть жителей Красноярского края и около трети населения Республики Хакасия и Новосибирской области находят в компании друзей (данные по России в целом — 49 %); соответственно, среди соседей —

2%, 4% и 2% (Россия — 24%); примерно каждый десятый в каждом из двух Восточных сибирских регионов — на работе, в Новосибирской области — 4% (Россия — 24%). И даже в семье россияне в целом чаще находят взаимопонимание — 76%, чем жители Красноярского края — 66%, Республики Хакасия — 61% и Новосибирской области — 58%, что говорит о более остром проявлении в регионах Сибири, деструктивных процессов в сфере семейных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведённых исследований можно сделать выводы, что наша гипотеза подтвердилась: регионы Восточной и Западной Сибири, существенно различающиеся между собой по многим социокультурным и социальноэкономическим характеристикам, находятся на более низком уровне социокультурной модернизации, нежели Россия в целом. Модернизационные процессы в изученных регионах затруднены воздействием ряда социокультурных факторов, специфичных для этих регионов.

При этом жители двух сибирских регионов имеют более высокий показатель интернального локуса контроля, нежели население России в целом, что говорит о потенциально более благоприятных условиях и перспективах проведения социокультурной модернизации в Сибири.

Однако среди населения сибирских регионов весьма сильны патерналистские настроения, значительно более широко распространены патриархальные ценности и социальные нормы, которые препятствуют эффективному осуществлению социокультурной модернизации этой части России. Вместе с тем такая ситуация способствует поддержанию некоторой социальной стабильности в Сибири, когда под влиянием модернизационных процессов нередко происходит разрушение социальных связей между людьми, жизненный мир человека ограничивается рамками его семьи и населённого пункта, в котором он проживает. Всё это способствует сохранению патриархальных ценностей и поддержанию элементов квазифеодальных отношений в данных регионах.

В двух регионах Восточной Сибири заметно выше общая неудовлетворённость респондентов жизнью, нежели у жителей России в целом, что во многом порождает стремление «найти виновных» в невозможности улучшить свою жизнь. Образ «виновного» проецируется как на

различные органы власти и их представителей, так и на жителей центральных и западных регионов страны, а также столицы. Существует и препятствует эффективной модернизации также не манифестированный до времени потенциал сибирского сепаратизма.

Налицо незавершённость первичного этапа модернизации в Восточной Сибири. На наш взгляд, можно говорить также о «модернизационном откате» в этих сибирских регионах, который произошёл в 1990-2000-е гг. в связи с разрушением там целых отраслей промышленности. Разумеется, имеются серьёзные риски и угрозы в реализации второго, информационного этапа модернизации как в России в целом, так и в двух восточносибирских регионах. Итак, в Красноярском крае и Республике Хакасия происходит деиндустриализация, противоречивая ситуация наблюдается и в Новосибирской области, что требует эффективного «повторения» первичной модернизации. Одновременно вторичная модернизация, основанная «на знаниях», сталкивается в регионах с большими трудностями.

Л и т е р а т у р а

1. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. [и др.]. Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад. М.: Ин-т социологии РАН, 2010. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_modernization.html (10.11.2011).
2. Инновационная модернизация России. Политологические очерки / под ред. Ю.А. Красина. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. С. 253.
3. Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю.С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
4. Халий И.А. Современные общественные движения. Инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Ин-т социологии РАН, 2007.
5. Аузан А.А. и др. Культурные факторы модернизации: доклад. М.-СПб.: Фонд «Стратеги 2020», 2011.
6. CAS (2006). China Modernization Report 2006, edited by Chinese Academy of Science. URL: www.modernization.com.cn/cmr2006%20overview.htm (10.11.2011).
7. China Modernization Report 2010: Overview of World Modernization. Peking University. 2010.
8. Лапин Н.И., Беляева Л.А. От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН // Интеллектуальная Россия. М., 2011. URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-k-integrirovannoj-

modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izucheniya-sociokulturnyx-izmenenij.html (10.11.2011).

9. *Лапин Н.И.* Социокультурный подход к изучению эволюции России и её регионов // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009. С. 15-40.

10. *Беляева Л.А.* Проблемы и возможности многомерного анализа социального расслоения Российского общества // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М.: 2009. С. 41-64.

11. *Немировский В.Г., Немировская А.В.* Социокультурный портрет Красноярского края. Красноярск: РИЦ СибЮИ, 2010.

12. *Лапин Н.И.* Подход к социокультурной типологии регионов // Социокультурные портреты регионов России: Опыт комплексной реализации. Сборник материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. 18-22 сентября 2008 г., Чебоксары. Чебоксары: ЧГИГН, 2008.

13. *Немировский В.Г.* Особенности социокультурной самоидентификации населения Восточной Сибири // СОЦИС. 2011. № 8. С. 88-94.

14. *Немировский В.Г., Григорьев С.И., Пешков С.И.* Сибирь на пути к сепаратизму? // Социологические исследования. 1993. № 2. С. 20-26.

15. *Щербинин Д.И.* Конфликтный потенциал современного сибирского сепаратизма (по материалам социологических исследований в Алтайском и Красноярском краях, республике Алтай, Кемеровской и Читинской областях): автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Барнаул, 2010. С. 9-10.

16. *Растов Ю.Е., Щербинин Д.И.* Сибирский сепаратизм: социологическая экспертиза современных проявлений. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2010.

17. *Немировская А.В., Костерина Е.С.* Социально-политическое развитие Красноярского края (по результатам экспертного опроса) // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса: Сборник материалов VI Всерос. науч.-практ. конф. 7-9 октября 2010 года, Ульяновск. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2010. С. 326-331.